

ИСТОК

КЛАССИКА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФАНТАСТИКИ

ВЛАДИМИР
МИХАЙЛОВ

Владимир Михайлов
Стебелек и два листка

«Автор»

1983

Михайлов В. Д.

Стебелек и два листка / В. Д. Михайлов — «Автор», 1983

Признанный мастер отечественной фантастики... Писатель, дебютировавший еще сорок лет назад повестью «Особая необходимость» – и всем своим творчеством доказавший, что литературные идеалы научной фантастики 60-х гг. живы и теперь. Писатель, чей творческий стиль оказался настолько безупречным, что выдержал испытание временем, – и чьи книги читаются сейчас так же легко и увлекательно, как и много лет назад... Вот лишь немного, что можно сказать о Владимире Дмитриевиче Михайлове. Не верите? Прочитайте – и убедитесь сами!

© Михайлов В. Д., 1983

© Автор, 1983

Содержание

Владимир Михайлов	5
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Владимир Михайлов Стебелек и два листка

Он смотрел на индикатор параллельности осей. Сейчас параллельность явно переставала быть эвклидовой, оси так и подмывало пересечься. И не где-нибудь в математически искривленном пространстве. Тут, в пределах спэйс-координатора.

Потерять в сопространстве параллельность осей – это хуже, чем оказаться в открытом море без компаса. Там хоть звезды стоят на положенных местах. Можно определиться. А тут, поди, различи, где звезда, где – сопространственная проекция. И нужно же быть такому везению! Приключилась напасть именно здесь, а не в своем родном пространстве. Если вовремя не привести Координатор в чувство, заедешь туда, откуда потом за три года не выберешься.

Что же это он так? Вроде все дышит нормально, ресурса полный мешок, и захочешь – не выработаешь, а вот машина киснет прямо на глазах. Ну технари, ну корифеи, ну погодите, доберусь до вас, небо вам не с овчинку покажется, а с дамский платочек кружевной, только пахнуть будет другими духами...

Так вел себя Юниор в раз и навсегда усвоенной небрежной манере – мол, нам все нипочем; кое-что произносил вслух, другое про себя. Вслух – в основном слова выразительные, которые про себя и смысла нет произносить, потому что тогда от них никакого облегчения. Руки тем временем работали сами собой: спокойно, без суеты, врубали одну контрольную цепь за другой, проходили контур за контуром, пока корабельный диагност, поигрывая огоньками, решал ту же задачу своими методами. Тут – порядок. И тут. Порядок. Норма. Но ведь где-то беспорядок: оси-то, словно в ритуальном танце с планеты Зиндик, все трясутся, и каждая в свою сторону. Опять норма. Норма и здесь...

Да уж скорей бы, что ли, найти, – подумал Юниор с неожиданной тоской. – Пусть что угодно, только побыстрее. Только не в самом конце. Потому что в конце – Кристалл. А если это Кристалл, то, увы, без вынужденной – никак. Мало в корабле таких деталей, с которыми нельзя справиться в сопространстве, да и в своем пространстве тоже, для которых нужна точно фиксированная и направленная гравитация. Мало. Но они есть. И Кристалл из них, пожалуй, самая злобная. Потому что... Ну, потому что Кристалл есть Кристалл, что тут объяснять.

Да, – сообразил он наконец минут через десять. – Так я и знал. Кристалл, конечно, а что же еще? Все другое ниже твоего достоинства. Это у других могут выходить из строя какие-нибудь синхронизаторы, магнитные линзы, может нарушаться синфазность... Это все не для Юниора. У Юниора если что и летит, то уж никак не менее чем Кристалл. Зато разговоров – по всей Дальней разведке. А как же! Кто ас Дальней? Юниор. Кто представитель славной династии разведчиков? Юниор, конечно. Потому он и Юниор, то есть младший, есть и старший – Сениор, благополучно здравствующий отец. Кто сажился на Медузе? Юниор. Кто, кто, кто?... Юниор, Юниор, Юниор. И наконец, кому поручают теперь идти на контакт с Курьером? Ему, кому же еще. То есть ищут контакта и другие. Но все как-то привыкли думать, что найдет он. Ну и найдешь?

Черта с два тут найдешь, – раздражался Юниор. – Что, кроме седых волос, можно приобрести, если у тебя плывет Кристалл? Тут пошли бог местечко для вынужденной. Что-нибудь такое, на что сесть можно. Планетку с твердым грунтом. С гравитацией в пределах нормы. Хотя такой же эффект можно, конечно, получить в равноускоренном полете, но лететь-то без Кристалла нельзя, в этом вся суть... Сам Кристалл невелик, но, чтобы его вырастить, нужна уйма исходного материала. Так что думай не думай, а садиться придется.

Веселый разговор, – усмехнулся Юниор. – Еще никто и никогда не шел на вынужденную в сопространстве. Снова ты первый. Но честное слово, не колеблясь отдал бы этот приоритет

за далекую, пусть самую неудобную, никуда не годную планетку – только бы она была в своем пространстве, а не в этом молочном киселе. Но делать ре-переход без Кристалла, это... да нет, это и сравнить не с чем, нет такого сравнения.

Значит, садимся. Гравиметры показывают, что какие-то тяготеющие массы имеются. Посоветуемся с Умником. Зададим ему задачу. Таковую: меняю Кристалл с нарушенными связями на планету с напряжением поля гравитации от одного до одного и двух десятых «g», жидких и сплошь скалистых не предлагать... Оптимальную рекомендацию дадим прямо в машину. Все равно выбирать будет некогда: координатор агонизирует. Решено? Решено. И больше никаких эмоций.

Лиловая неравномерная полумгла лежала на равнине, и эта странная неравномерность создавала впечатление неровного рельефа. На самом же деле плато было гладким, как олимпийский каток, тонкий песок покрывал его, скрипучий и как бы причесанный; параллельные частые линии тянулись насколько хватал глаз – следы ветра, вероятно. Сейчас стояла тишина, темное небо было как будто безоблачным – однако ни звездочки в нем не было, ничего, на чем задержаться взгляду. Свист посадочных антигравов словно впитался в песок, и безмолвие заполнило все вокруг. Лишь в корабле временами пощелкивало: оказавшись в новой обстановке, он приспособливался к ней, анализировал, делал выводы и принимал меры, вырабатывал режим, в каком теперь предстояло действовать. Созданный для движения, корабль, обретая неподвижность, с каждой минутой все больше вращался в окружающее, становился органичной его частью. Без корабля здесь казалось бы пусто; он стал центром, естественной точкой отсчета в этой части планеты, маяком, на который можно было держать курс. Только вот некому было.

Глуховатое местечко, – подумал Юниор. – И, судя по тому, что было видно во время облета, – такая благодать на всей планете. Теннисный мячик Господа Бога, далеко выбитый неверным ударом, затерявшийся и навсегда выбывший из игры. О жизни здесь и не слышали. Не мертвая планета, нет, не родившаяся, так вернее.

Он сидел на корточках, разгребая затянутыми в перчатки ладонями податливый песок, не влажневший с глубиной. Сушь. В воздухе ни следа водяных паров. Идеальный климат для легочников – если только они не дышат кислородом. Под этим песочком – каменная плита. Корабль уже взял пробы. Можно не волноваться: мы не провалимся. Надежный грунт. И, что ни говори, приятно побродить по чему-то такому, что не есть палуба.

Итак, что у нас для полного счастья? Гравитация. Покой. Песок. Воды, правда, нет. Ничего, мы ее наделаем сколько понадобится, кислорода полно под ногами, водород есть в атмосфере – показали анализы. Тепло, триста по Кельвину. Жаль, без скафандра не выйти. Хотя – еще посмотрим. Вот без дыхательного аппарата, это уж точно, здесь и шага не сделаешь. Ладно. Не привыкать.

Станный свет какой-то. Ни день, ни ночь. Где светило? Не видно. Но быть-то оно должно, на это температура указывает. Правда, подлетая, мы не видели ничего такого, что можно было бы назвать солнцем. Может, это периферийная планета, с которой солнце видится маковым зернышком, как наше светило с Плутона? Но откуда тогда тепло? Для вулканических процессов планета вроде старовата, тогда поверхность ее не была бы столь гладкой. Ядерный разогрев? Но уровень радиации в норме. Ладно, пока планета будет поворачиваться, гравиметры что-нибудь да нащупают. Кстати, с какой скоростью она вращается? Пока не известно. Уравнение, в котором одни только неизвестные.

А, собственно, зачем тебе все это? Сели хорошо. Мешать никто не станет. Работай, сколько душе угодно. И спи спокойно. Ноль опасностей. Ни тебе тигров, ни микрофлоры. Стерильно.

Юниор усмехнулся уголком рта. Сна-то ведь лишаешься чаще не от опасностей. Да...

Он отошел подальше, сделал круг, охватывая корабль взглядом. Тот вроде бы колебался в неверном лиловом свете. Мрачноватые места, прямо скажем. Давят. Настроение тоже становится каким-то лиловым. Некие оси разлаживаются в психике, как в Координаторе. Этого нельзя позволять себе. Не за этим летели.

Ничего, мы все это в два счета наладим. «Мы» – он имел в виду себя и корабль. В два счета. Каждый счет – по семь нормальных суток. Столько растёт Кристалл: две недели. Так что не будем терять времени.

Неприятный все же полумрак. Сейчас установим выносные, устроим иллюминацию. Дальше программа такова. Наладить получение сырья. Посадить семечко. Демонтировать старый Кристалл – вернее, ту манную кашу, в которую он превратился, – хватит времени, пока будет расти новый. Сделать положенную проверку и обслуживание механизмов и устройств. Рекогносцировку местности можно и не предпринимать, но Юниор проведет ее, он не привык отступать от законов Дальней разведки. Но это – позже, когда главная работа уже пойдет.

Хорошо бы, конечно, сообщить что-нибудь на базу. Жаль, что отсюда это невысказано. Даже всепроницающее парополе, на котором только и возможна эффективная связь в пространстве, на границе сопостранства отражается, не проходит. Зафиксировав, что он не вынырнул в своем мире в назначенное время, на базе забеспокоятся. И будут беспокоиться две недели. Тут он ничем помочь не сумеет. Люди никак не привыкнут к тому, что, какие бы ужасы им ни мерещились, с Юниором ничего не случается, кроме мелких неприятностей. Не на тех он дрожжах замешан. Он – на батиных дрожжах.

Батя, великий Сениор, откуда только не вылезал. И так воспитал сына: выбиратья отовсюду, независимо от того, можно вообще оттуда выбратяся или нельзя. Другие нет, а ты сможешь – так учил батя. И показывал на личном примере. Когда Дальняя разведка была еще младенцем, Сениор одним из первых стоял у ее колыбели.

Вопреки всем прогнозам, батя благополучно долетал до весьма и весьма зрелого, мягко выражаясь, возраста. И когда он вернулся из последнего своего полета, его вовсе не сводили по трапу под руки, как патриарха; он, как всегда, прогрохотал по ступенькам сам, едва касаясь их каблуками, маленький, нахально задиравший голову, острый на язык. Никто в тот миг не подумал, что Сениор пришел из своего последнего рейда: казалось, его хватит еще надолго. Но больше он не полетел. Почему – точно никто не знал. Хотя легенды, конечно, ходили. Вплоть до того, что явилась, мол, к нему во сне покойная мать и строго сказала: «Витя, пора и честь знать».

Ближе всего к истине был, пожалуй, такой рассказ: будто пришел он к шефу Дальней и за традиционной чашечкой кофе как бы между прочим сказал: «Слушай, Пират, где сейчас мой хулиган – далеко?» Шеф показал где. Сениор сказал: «Вызови его, будь добр». – «А что?» – поинтересовался шеф, слегка тревожась. «Хочу передать ему мою машину. Если у тебя нет возражений против такой кандидатуры». Шеф прищурился, Сениор тоже. Минуту они смотрели друг на друга, потом Сениор сказал: «Ну. Я свое отлетал». Шеф якобы не стал спрашивать, что да почему: у этих людей не принято было требовать мотивировки, как не требуют ее у человека, идущего на смертельный риск. Сениор только добавил: «Надо кой о чем поразмыслить на покое». Тогда Пират сказал: «Тут у нас есть местечко старшего советника...» – «Спасибо, – ответил Сениор, – но мне сейчас не советы давать, мне сперва самому бы разобратяся». – «Это ты психуешь оттого, что упустил Курьера? – поинтересовался шеф. – Все равно ведь надо его искать». Сениор пожал плечами: «А кто говорит, что не надо? Но я полагаю, что мой хулиган не подведет». И дело с концом. Вот такие ходили легенды, да. Юниор, может быть, знал об этом чуть больше. Но народному творчеству не мешал: как людям нравится, так и будут рассказывать, да и, в конце концов, разговор не записывался. На самом деле

он был, конечно, намного серьезнее, и после него программа поисков контакта с Курьером была пересмотрена и кое в чем основательно изменена.

После этого собеседования патриархов Юниора вызвали с той самой планеты Зиндик, где умные люди вот уже несколько лет пытались установить взаимопонимание с местным населением – и все никак не могли, потому что туземцы вели себя так, словно никаких людей и на свете не было, в упор не замечали. Что уж тут было думать о контакте. Юниор едва успел познакомиться с обстановкой и только-только начал что-то соображать, когда его отозвали, и он так до конца ничего и не додумал.

Батя долго и тщательно вводил сына в курс дела. Знакомил с машиной. Право свободного поиска Юниор имел и раньше, но корабль высшего класса получил впервые, так что пришлось снова походить в учениках. А потом Сениор уже вчистую вышел в отставку. Но вместо того, чтобы с достоинством диктовать мемуары знакомому литератору, который сделал бы из этого материала что-то пригодное для чтения, Сениор поселился в глухом уголке и стал выращивать цветочки и прочую зелень. Юниору, откровенно говоря, этот последний этап отцовской биографии не очень понравился. Может быть, потому, что был в этом некий стандарт, а батя всю жизнь поступал нестандартно; а возможно, временами чудился парню и какой-то признак старческой немощи, чуть ли не сенильного слабоумия. Хотя сын наверняка знал, что Сениор остался прежним и не сдал ни на миллиметр. Обидно было, что кое-кто из знавших Сениора более по легендам, чем по личному знакомству, усмешливо пожимал плечами, когда имя ветерана всплывало в разговорах. А ведь во время тренировочных полетов Юниор не раз ловил себя на том, что завидует отцу, его опыту, уверенности и точности. Он пытался серьезно поговорить с батей на эту тему: они как-никак династия, род, громкая фамилия. Сениор только ухмылялся и продолжал копать в земле.

– Да ведь что с них взять, – сказал он сыну, когда Юниор пришел повидаться («попрощаться» – они принципиально не говорили) перед первым серьезным вылетом по заданию – вот этим самым. – Что с них взять, сын. Они мыслят в иной плоскости.

– Значит, я тоже мыслю не в той плоскости, – заявил Юниор, не желавший улетать без полной ясности во всем, что касалось отца.

– Это совершенно естественно. И плохо. Потому что мыслить надо не в плоскости, а в объеме.

– Привет, папа!

– Привет.

– Ну, так дай мне объем – чтобы я хотя бы понимал, почему ты поступаешь так, а не иначе.

Сениор разогнулся – дело было в саду – и оперся на мотыгу.

– Не возьму в толк, что тебя так волнует. Я, как видишь, в полной безопасности, веду здоровый и нравственный образ жизни.

– Гм, – сказал Юниор.

– Именно, – повторил отец. – Нравственный, но здоровый образ жизни. Тебе понять это нелегко: в юности нравственность, к сожалению, не котируется. Однако ты можешь лететь в полной уверенности, что по возвращении найдешь меня на этом же месте.

Но на сей раз Юниор твердо решил не отступать.

– Послушай, – начал он, – попробуй отнестись ко мне серьезно. Район предполагаемой встречи с Курьером определен довольно точно, и у меня есть шансы первым вылететь на поиски.

– Только не задирай носа, – предупредил отец. – И, как писал один почитаемый мною старинный писатель, лучше говорить не «я сделаю», а «я сделал».

Нравоучение Юниор пропустил, конечно, мимо ушей.

– Значит, – продолжал сын, – я должен быть готов ко всякого рода неожиданностям. Никто ведь не знает, как будет протекать контакт с Курьером, если он состоится. И важна любая мелочь.

– Иногда, – заметил отец, – ты мыслишь вполне приемлемо.

– Но у меня есть подозрение, не обижайся, что все твои последние действия: и то, что ты ушел из Дальней, и твои ботанические увлечения связаны именно с Курьером.

– Думать никому не возбраняется, – невозмутимо ответил отец. – Я не скрываю ничего, что могло бы тебе пригодиться. Ты идешь в поиск снаряженным куда лучше, чем в свое время шел я. Будь у меня в тот раз Комбинатор в трюме, может быть, тебе не пришлось бы сейчас искать то, что я тогда потерял.

– Значит, все-таки тут замешан Курьер!

– А я и не отрицаю.

– Тебе обидно, что он тогда не пожелал с тобой разговаривать?

– Может быть, я и обиделся, но ненадолго. А потом стал думать. И пришел к некоторым выводам. То, что могло пригодиться, я доложил. То, что оставил при себе, касается только меня.

– И один из твоих выводов воплотился в Комбинаторе?

– Комбинатор – это не я, а Георг. Он начал работать в этом направлении задолго до того, как мы узнали о Курьере. А мне пришло в голову, что мы можем использовать его работы при установлении контакта. Главное – не просто найти Курьера; они мелькают не так уж редко, ты сам знаешь. Главное – чтобы он захотел с тобой разговаривать. Стой! Ты что!

Юниор в недоумении огляделся. Он всего-то и сделал, что отступил на шаг.

– Ты что, не видишь? Ведь растет! А ты чуть каблуком не влез.

– Папа, – ответил Юниор как можно спокойнее, – стоит ли так волноваться из-за какого-то пучка травы...

– Это не трава, а щитовник. А ты попробуй вырастить на этих камнях хоть былинку.

– Неужели ты не мог найти землю получше?

– Получше? – переспросил Сениор. – Получше-то и всякий дурак... Нет, а ты вот на камне, на голом камне... Так что осторожнее, сынок. Пусть даже отец у тебя с придурью – стариковские придурки надо уважать. Да, о чем мы?

– О выводах, которые ты оставил при себе. Я понимаю, они, так сказать, твоя личная собственность. Но я все же сын тебе.

– И наследник, – усмехнулся Сениор. – И претендуешь... Да мне ведь не жалко. Только, прости, боюсь, что не в коня корм. Ладно... Ты пытался когда-нибудь задуматься: а почему мы с такой жадностью ухватились за померещившуюся возможность контакта, почему с такой настойчивостью ищем?

– Это ведь ясно... – сказал Юниор несколько растерянно.

– И что же тебе ясно?

Юниор немного подумал.

– Прогресс, – сообразил он. – Движение вперед.

– До сих пор мы вроде бы не вспять двигались! Разве есть у нас сейчас какие-то острые научно-технические проблемы, которые мы, человечество, не в силах сами разрешить?

– Нет, – ответил Юниор, подумав.

– Какие-нибудь проекты космического переустройства, которые мы не можем осуществить в одиночку, без компаньонов?

– Откуда им взяться? – сказал Юниор. – Мы проектируем, исходя из своих сил и возможностей.

– Тогда зачем же нам контакт? Вижу, ты об этом не задумывался. Да и я тоже. Потому что для нас, разведчиков, задача сама по себе интересна, в ней даже немалый азарт: искать и находить. Это увлекает настолько, что уже не думаешь: а чего ради искать?

– И к каким же выводам ты пришел?

– К разным. С одной стороны, мы благополучны. Я бы сказал даже – предельно благополучны. Проблемы прошлого решены, в настоящем – частные вопросы, которые мы успешно решаем. И все же...

Он помолчал, поднял комочек земли, растер в пальцах.

– И все же нам не очень хорошо. Нам немного не по себе. Ты никогда не чувствовал этого? Мы создали сложнейшую по уровню техники цивилизацию. Зачем? Мы об этом не очень-то задумывались, главное было – создать, остальное, считали мы, придет само собой. Оно не пришло. Умножая и усложняя, мы что-то потеряли. И не знаем что. Мы живем в необычайно сложной модели мира, которую сами и породили. В необычайно, неоправданно сложной. Мир должен быть проще, чтобы суть его мог постичь каждый. Только такой мир может быть единым. Но, как ни странно, в этой нашей – ну, беде не беде, но неувязке нам самим очень трудно разобраться. Основа ее ведь не в конструкции этой модели мира, а в нас! Каждый из нас является маленьким слепком этого мира и не может просто взять и понять, что – так, а что не так. Это гораздо легче сделать со стороны. На свежий взгляд. Но пока мы одни, смотреть на нас некому. И мы ищем того, кто мог бы...

– Думаешь, это так важно?

– А ты считаешь, представление о боге возникло у человека на пустом месте? Не чувствовать себя одиноким – вот что ему нужно было. С кем-то советоваться время от времени: так ли я делаю, так ли понимаю? Ну ладно, боги – дело прошлое. Но потребность осталась! И в ней нет ничего унижительного или ненормального. Ты ведь не считаешь для себя унижительным искать чьей-то дружбы или любви? И для человечества в целом это чувство столь же естественно...

– погоди, – остановил отца Юниор. – Может быть, все это и справедливо. Но какое отношение эти мысли имеют к твоему уходу из Дальней?

– Курьера я упустил. И не по своей оплошности. Причина серьезнее. Тут сыграло свою роль нечто во мне, такое, что есть в каждом из нас. Поскольку на этот раз возможный друг ничего определенного мне не сказал, я стал думать сам. И дело показалось мне настолько важным, что его нельзя было делать в рейде. Думать надо дома, на Земле.

– Не знаю, – сказал Юниор. – Наверное, все это разумно и важно. Но не для меня. Мое дело – найти. И разве так важно – зачем? Зачем люди придумали Комбинатор? Чтобы убедиться: то, что мы создаем, дает нам громадные возможности. То, что мы создаем, – прекрасно. Мы творим другую Вселенную, иногда буквально из ничего. Ты, может быть, скажешь, что я чересчур люблю этим? А почему бы и нет, что в этом постыдного? Мы это сделали, мы умеем этим пользоваться и демонстрируем это сами себе, а если встретим других – покажем им тоже. С тобой тогда потому не стали говорить, что не признали в тебе равного: слишком уж непрезентабельно ты был снаряжен. Мы способны на большее.

– Вы с Георгом – два сапога пара... – проворчал Сениор. Он сомневался, казалось, стоит ли продолжать разговор. Все же проговорил в конце концов: – Не знаю, так ли это было, как тебе представляется. Сдается мне, весь ход событий заставляет думать иначе. Началось с того, что меня окликнули по параполю, очень четко и недвусмысленно. Тебе ведь знакомо состояние, когда вызывают таким способом: необычайное внутреннее напряжение – и полная расслабленность тела. Это ни с чем не спутаешь.

Юниор кивнул. Это состояние он знал прекрасно.

– Он сказал мне: готов со мной разговаривать, если я могу выступить в качестве представителя цивилизации. Я сказал, что не являюсь одним из наиболее авторитетных. Он ответил,

что понимает это, но говорить с находящимися на Земле трудно: слишком много помех связи и что разговор со мной будет носить предварительный характер. Я, понятно, согласился. Он дал мне координаты Анторы. Приблизившись, я убедился: сигнал действительно идет оттуда, хотя сверху никаких признаков пребывания там какой-то экспедиции не заметил. Но сигнал шел из определенной точки. Значит, Курьер был там. И он пригласил меня сесть на Антору.

Сениор помолчал.

– Ты ведь бывал там. Потом.

– Да. Видел «Просеку Сениора».

Старик насупился.

– О просеке не надо. Дойдет черед и до нее... Одним словом, раз ты бывал там, то соображаешь: на Анторе нельзя было найти хотя бы пяточок, на котором чего-нибудь да не росло.

– Говорят, все ботаники мечтают, если не удастся при жизни, то хоть после смерти попасть именно туда. При жизни это удастся немногим избранным.

– Да, ботанический рай... Но садиться там плохо. Я все же сел. Сошел с трапа – и уткнулся в стену. Стену стволов, переплетенных лианами, лиан, пронизанных кактусами, кактусов, щетинящихся шипами. А шипы со слоновый бивень и острые, как осиное жало; увешаны длинными, находящимися в безостановочном движении диковинными ветвями... Представь, что на Земле в свое время динозавры не погибли, а остались, съедая и топча все, что могло дать начало более совершенным родам и видам. На Анторе, мне кажется, именно это произошло с растениями. Они захватили все, и для других не осталось места. Короче, я сел и понял: с моим снаряжением тут делать нечего; опустись я даже в двухстах метрах от искомой точки, я не одолел бы эти джунгли и за полгода. Он все это время был на связи со мной. Я откровенно ему признался, что не вижу способов до него добраться. Он ответил в таком духе, что если мы, мол, настоящая цивилизация, то это не должно составлять для нас проблемы. Тогда я стартовал, нырнул в сопоространство и вынырнул у базы. Там мне дали все, что я просил.

– Трюм-три.

– Комплекс номер три для освоения тяжелых планет.

– Я и сейчас вожу его с собой.

– Не совсем то. Потом уже я позаботился, чтобы набор несколько изменили. Короче, набил механизмами весь трюм. И думал, что решаю этим сразу две задачи. Первая – пробиться туда, к ним. И вторая, попутная: показать им, что мы достойны всяческого уважения, ибо отнюдь не являемся слабенькими. Сила, прежде всего сила – наш девиз с давних времен... Я вернулся на Антору. Курьер был там. Я постарался сесть поблизости. Но не вплотную: следовало думать и об их престиже, чувстве безопасности и так далее. А кроме того, надо было показать, что для нас не существует проблем такого рода.

– Наверное, ты был прав.

– Тогда мне тоже так казалось. На этот раз я мог расчистить площадку для себя в любом месте. С этого я и начал. Ну, ты представляешь, как это выглядело...

Юниор представлял. Он словно наяву увидел, как снижавшийся корабль завис, уравновесившись антигравитацией, над апокалиптическим хаосом джунглей; как подал положенную серию предупреждающих сигналов лучом и звуком, помедлил – и тут из опоясывавшего нижний корпус кольца один за другим устремились вниз свернутые тугими бубликами разряды, ослепительно яркие даже при дневном свете, красноватом на Анторе. Операция ноль, расчистка места для посадки. Импульсы шли частой чередой, взвивалось пламя, языки его поднимались выше самых высоких деревьев, внизу оглушительно шипело и фыркало, взрывалось, трещало, грохотало, извивалось, корчась в огне, сплеталось еще туже, закипали соки, затем все обугливалось, распадалось, оседало на грунт мелким порошком пепла, сквозь который со свистом прорывались гейзеры раскаленного пара, временами закрывавшего все происходящее черно-

белой пеленой. Так продолжалось, должно быть, около получаса. Потом импульсы прекратились, пелена понемногу разошлась, стала видна оплавленная, отблескивавшая под солнцем, изборозденная трещинами почва – твердое покрытие, на которое можно было садиться без малейшей опаски. Корабль плавно скользнул вниз и мягко сел. Вершина его поднималась над уцелевшим лесом, словно бы почтительно отступившим в сторону.

Затем со звоном отскочили крышки люков, площадки грузовых подъемников медленно выползли, неся на себе то, что следовало пустить в дело сразу же. Не было никаких перерывов, расчетов, каждый механизм, обладавший своим кристаллическим мозгом, действовавший по единой программе, немедленно включался в работу. Направление было определено заранее, вспыхнули длинные лучи, рассекавшие у основания стволы любой толщины вместе с опутывавшими их лианами; тесно сплетенные деревья еще не падали, опираясь на всю массу стоявших рядом, но лучи четко очерчивали периметр будущей просеки, покачиваясь в вертикальной плоскости, отсекая все лишнее в намеченном пространстве, и в конце концов то, что было обречено на разрушение, начинало рушиться. Но не успевало коснуться почвы: громадные челюсти впивались в толстые кряжи, вырывали их, швыряли в жадные глотки утилизаторов. Там ритмично, по мере заполнения бункера, вспыхивало бурлящее пламя, и в несколько секунд содержимое превращалось в золу, которая засасывалась в трубу и попадала в чрева машин следующего звена; те, в свою очередь, выбрасывали вперед, под гусеницы передних, черную, почти мгновенно застывавшую массу, образованную в реакторах, где и пепел, и не сожженная часть древесины, переработанная параллельным рядом машин, разложенная на элементы и вновь синтезированная в других, нужных комбинациях – перемешивались и становились готовым дорожным покрытием.

Ничего принципиально нового во всей этой технике не было, она поражала воображение скорее слаженностью действий всего множества машин и размахом работы. Вся система, весь комплекс-три, катя перед собой волну грохота и пламени, двигался со скоростью нескольких метров в минуту по готовой, возникавшей под ним дороге; последними в колонне ползли бочкообразные криогены, понижавшие температуру уложенного пути до такого уровня, что по нему можно было пройти босиком. Никто, однако, не собирался пользоваться здесь таким способом передвижения; когда машины комплекса углубились в дебри метров на сто, грузовая площадка корабля, снова опустившись, позволила скатиться на новую дорогу верткому вездеходу, и это была единственная во всем комплексе машина, которой непосредственно управлял человек. Единственный на всем корабле: сам Сениор.

– Немного часов мне понадобилось, чтобы добраться до нужной точки таким способом, – сказал Сениор сыну. – И за все это время не возникло ни малейшего препятствия, какое можно было бы отнести за счет вмешательства разумной противоборствующей силы. Я мог делать с лесом, со всей планетой все, что хочу. Лишь когда я был у цели, Курьер снова заговорил. Очень спокойно он произнес нечто вроде: «Сожалею, но разговор наш оказался бы преждевременным. Придется отложить его». Я, откровенно говоря, растерялся. Подумал, что напугал его. Стал заверять, что для них наше могущество никакой опасности не представляет, что мы – гуманная, цивилизованная раса... На это он ответил: «Еще нет. Но мы обождем». Я успел только спросить: «Когда, где?..» И в ответ услышал: «Когда убедимся, что вы владеете и второй стороной процесса». И все.

– Помню, ты об этом докладывал Дальней.

– Разумеется. Но у нас большинство склоняется к мысли, что они испугались и что слова его надо истолковать так: умели напугать – умеете и успокоить. С тех пор мы стараемся повсюду вести себя крайне осмотрительно. С планеты Зиндик миссию вообще отозвали. Я же думаю, что Курьер имел в виду иное. Вы показали, что умеете уничтожать, сказал он мне, покажите, что умеете и выращивать.

– И ты этим занялся, – не удержался от усмешки Юниор. – Ты прелесть, папа.

– Не совсем так. Тогда я решил было заняться чем-то другим. Подвернулся проект «Анакол». Я разрешил оборудовать корабль для его выполнения. Возник Георг со своим Комбинатором. Я сразу понял, какие это сулит перспективы, и поддержал его. Но тут же решил, что это – не для меня. Надо начинать с черновой работы, с испытаний, а мне уже немало лет. Эта задача – для следующего поколения. И тогда я попросил, чтобы вызвали тебя. Правда, я не думал, что Георг реализует свой проект так быстро: у него ведь только одна половина была на бумаге, а вторая – в голове. Но он не просто фанатик – он упорный фанатик. Многие от него уходят: не могут с ним работать. Но на каждое освободившееся место сразу же претендуют двое или трое других, еще лучше прежних.

– Да, справился он очень быстро. Уже всю ведет монтаж.

– Тогда, сын, почему же ты тут, а не на корабле?

– Если оставить в стороне самолюбие, то он меня просто выгнал. Сказал, что за пределы трюма – один он выходить не собирается, но там няньки ему не нужны. Все равно, по его словам, мне в этот трюм дорожка заказана: он будет опечатан. Моим делом останется – лишь повозить Комбинатор в пространстве, сделать несколько переходов и ре-переходов, чтобы проверить, как эта его кухня переносит тяготы путешествия и способна ли она после этого варить суп. Вот почему у меня нашлось время выбраться к тебе.

– Выходит, у тебя нет никакого представления?..

– Нет, почему же. Я присутствовал на полигонных испытаниях, когда отрабатывались отдельные команды, простые программы. Каких-то верхов нахватался. Иначе нельзя было: Комбинатор ведь подключен к Умнику, это сэкономило массу времени, им не пришлось ставить управляющий компьютер. А Умник – это уже мое хозяйство, тут без меня они ничего не имели права тронуть.

– Значит, ты еще увидишься с ним перед стартом. Обожди, я срежу цветы. Не столько ему, сколько его жене. Ты видел ее?

– Да, – сказал Юниор сдержанно. – Красивая женщина.

– Только-то? Ну знаешь ли...

– У нас, возможно, разные вкусы.

– Возможно... Кстати, – сказал Сениор, – о женщинах...

– Не надо, – хмуро произнес Юниор.

– Потерпи. Ты знаешь, я в твои дела не вмешиваюсь. Хотя, когда я был в твоём возрасте, у меня давно уже был ты. Но нет никого, кому ты мог бы со временем сказать то же самое. Однако это – дело твое. Меня подобные вопросы интересуют только с профессиональной точки зрения.

– Расшифруй, пожалуйста.

– Неужели непонятно? Вот ты улетаешь. Что ты при этом оставляешь? Что везешь с собой? Что хочешь найти и привезти нового? Не зная этого, трудно выпустить человека в пространство и оставаться спокойным за него. Поэтому я съездил к Леде.

– Ты?..

– Взял и съездил, вот именно. Ничем не могу тебя порадовать.

– Это я знал и так. Не виноват, но и не жалею.

– Значит, что ты увозишь с собой? Свою свободу? Но что ты станешь там с нею делать?

Послушай меня...

– Не надо, папа. Ты, наверное, будешь говорить самые разумные вещи – разумные для тебя. Но есть и такие дела, в которых чужой опыт роли не играет, которые надо постигать самому. Так что предоставь это мне.

– Нелепый ты человек.

– Ну и ладно.

Они помолчали, потом отец срезал цветы.

– Держи. Не забудь передать.

– Георгу. Ее я вряд ли увижу.

Сениор кивнул. Помолчали еще. Вроде бы все было сказано, что хотелось. А что не сказано – того и не надо, стало быть...

– Ну, – сказал Юниор, осторожно шагнув вперед.

Обнялись.

– Лети, – сказал Сениор.

И он улетел.

Улетел. А потом у него скис Кристалл, и теперь он сидел на вынужденной. В чужом пространстве, на неизвестной планете. Сидел с полными трюмами машин и всякой тонкой техники, показывать которую здесь было некому. Пустая планета. Однообразная. Однотонная до тоскливости. Какое-нибудь пятно бы, что ли, чтобы глазу было на чем задержаться. Хоть ведро краски вылить...

Чудишь, – убеждал себя Юниор. – Приустал, поволновался. Давай-ка займемся делом. Чтобы хандру – как рукой. Вечер воспоминаний окончен. Работа ждет. Начали.

* * *

Он принялся действовать быстро и целеустремленно, как привык. Горсть здешнего песка высыпал из прозрачного мешочка в приемник анализатора. Включил. Негромко загудело, и сразу же на дисплее стали возникать символы и цифры.

– Так-так-так-так-так, – бормотал Юниор, соображая. – Песочек небогатый, даже просто бедный, но это значит лишь, что понадобится его побольше. Ну далеко ходить за ним, ко всеобщему удовольствию, не придется. Потребуется кое-какие изменения в режиме инкубации, сейчас попросим подсчитать, какие именно...

Юниор негромко окликнул Умника и, когда тот отозвался, задал ему задачу. Он представил себе, как тот скривил бы пренебрежительно губы – будь они у него и будь он вообще человеком, а не вот таким подобием мыслящего гриба, вывезенным с одной далекой планеты; грибы эти давали современным компьютерам сто очков форы как в смысле малого объема, так и многогранности, но стоили страшных денег; ставили их лишь на поисковые корабли высшего класса. Жил Умник в специальном отсеке, где воспроизводились особенности его родной пещеры и куда Юниор при всем желании не мог бы даже заглянуть; с кораблем Умник был связан при помощи датчиков, усилителей, преобразователей, экранов и прочего, переводившего слабые импульсы в действия, но разговаривать с ним можно было непосредственно: Умник обладал способностью генерировать сильнейшее параполе. В отвлеченные разговоры гриб никогда не вступал – может быть, не мог, кто его знает, а может быть, человек как собеседник казался ему слишком уж примитивным, – но такая жизнь его, видимо, устраивала, работал он четко и скорее всего был не разумным существом – об этом продолжали спорить еще и сейчас, – а просто биологическим мыслительным устройством, только неодушевленным, что ли. В такие тонкости Юниор не пытался вдаваться, некогда было, да и ни к чему. Он знал твердо, что Умник – не человек; и этого вполне достаточно.

Скомандовав Умнику, Юниор поставил инкубатор на прогрев. Один верблюд прошел, удовлетворенно отметил он, ведя свой внутренний монолог все в той же скаутской манере, словно и на самом деле был еще мальчишкой. Привык, и это ему не мешало, а посторонних здесь не было... Теперь дальше. Детальный анализ атмосферы. Снова символы и цифры. Так-так-так-так... Водорода тут хватит на целый Мировой океан. Значит, без воды сидеть не будем. Кислород – из песочка, из натурального окисла кремния, водород из воздуха, а кремний и

углерод (из того же воздуха) весьма потребны для образования Кристалла. Редкоземельных маловато, из-за них, видимо, придется несколько задержаться. Германия нет совсем, но германий пойдет из старого Кристалла, так что и тут полный порядок. Следовательно, и второй верблюд прошел. Большой караван, хороший караван...

Болтая так для собственного удовольствия, Юниор принялся заготавливать песок. Внятно продиктовал Умнику задачу. Замигали табло: третий трюм разгерметизирован; механизм семнадцать готов на выход; семнадцатый на подъемнике; семнадцатый на грунте; стоп. Прелестно, удовлетворенно отметил Юниор. Снова пошли плясать огоньки: двадцать первый на грунте... Восьмой на подъемнике... Тринадцатый... Воды, которую мог за несколько часов произвести механизм номер тринадцать, хватило бы на средней величины озеро, для Кристалла достало бы и вдесятеро меньше, однако опыт подсказывал воду делать с запасом, а потом осторожно качать ее с самой поверхности – это упрощало очистку. Ну, значит, будет озеро. Впервые, надо полагать, в истории этой планеты. Жаль, некому будет полюбоваться. Вот если б здесь было какое-нибудь население... Юниору стало весело, заиграла фантазия. Насадить бы вокруг озера всякой всячины. Пальмы, допустим. Кокосовые и прочие, какие они там еще бывают. Березы, сосны, эвкалипты, а также орешник, грибы... Ну нет, грибы – это уж никак не деревья. Наплевать, а у меня были бы деревья. Древовидные грибы. Шляпка, предположим, метров десять в диаметре. Умнику, наверное, было бы приятно встретить родственника. Какова идея! Планета задумана и исполнена исправным воином Дальней разведки Юниором, сыном Сениора. Юниор-ленд. Детям вход бесплатный.

Обязательно, чтобы вокруг росла травка. И высокая, и низкая, в озере неплохо бы развести рыбу. А также раков. На деревьях пусть поют птицы. А на пальмах, кроме того, резвятся маргышки. Вот было бы весело... И непременно говорящие попугаи, черт, чуть не забыл: как же без попугаев? Никак нельзя...

Да, – все больше увлекался Юниор. – И не так сложно. Машины нароют ямок. Сколько нужно, и даже больше. Семян у меня навалом. Только жаль – не те семена. Посажу я их – и пойдут расти линзы, кольца, насадки, муфты, микросхемы, реле, пружины, штанги, шестерни... Вот будет садик так садик, такого, верно, нигде в мире нет.

Но можно и иначе. Дать команду Умнику... Хотя озеро все равно нужно, без него не обойтись – отогнал он некую, робко постукавшуюся мысль. И отдал команду тринадцатому – приступить. Семнадцатый тем временем уже насосал полный бункер песка. Песок был чистым, сухим. Но, конечно, его еще очищать и очищать. Кристалл капризен неимоверно... Умник за это время успел рассчитать режим в соответствии с параметрами исходных материалов. Ну-ка? Ничего особенного. Правда, по сравнению с классическим лабораторным вариантом процесс замедлялся, как Юниор и предполагал. Намного ли? На пятьдесят процентов. Значит, вместо двух недель просидим здесь три, только и всего. Каким бы ни был разведчик, но терпеливым он обязан быть. Иначе просуществует недолго. А я-то существую несомненно, аз емь объективная реальность, данная самому себе в ощущениях... А также и другим. Да, кой-кому эта реальность тоже давалась в ощущениях. Когда-то Леда...

Стоп! – оборвал себя Юниор. – Не существует никакой Леды. Она плод воображения. Давай-ка работай, не лови ворон. Все лишние мысли возникают от безделья.

Инкубатор тем временем вошел в режим. Первая порция сырьевой композиции, обогащенной всеми нужными присадками из корабельных запасов, уже вскипала. Самое время начинать процесс.

Юниор отомкнул сейф. Большой и сверхпрочный. В нем хранилось главное: семена. Семена всего на свете. Второй корабль. Целая эскадра в семенах. Тысячи разных видов семян. Из них Юниору сейчас требовалось одно-единственное семечко Кристалла. Сам он и за неделю не разобрался бы в таком множестве узеньких пеналов. Но этого не требовалось: всего дел – набрать нужный индекс на клавиатуре, а прежде найти этот индекс по спецификации. Он так

и поступил. Пенал выехал сам. Юниор осторожно открыл его, нажав на кнопку. Крохотные, переливающиеся огоньки, словно бриллиантики, семена лежали, каждое в своем гнездышке. Двадцать штук. Двадцать Кристаллов можно вырастить, был бы инкубатор, исходные материалы да еще нужное поле гравитации. Без него Кристалл не растет так, как надо. Все другое растет, а этот привереда не желает. Ну, пожалуйста, гравитации здесь у нас – хоть в мешках уноси...

Юниор вынул из зажима на стенке сейфа маленький пинцет. Никаких других механизмов для этого не было: что-то человек ведь и руками может сделать... Захватил присосочками пинцета одно семечко. Распахнул дверцу приемной камеры. Осторожно ввел в нее руку с пинцетом, ощущая тугое сопротивление поля. Над дверцей вспыхнул огонек: семечко оказалось в зоне. Тогда Юниор медленно разжал щипчики, вытянул руку, затворил дверцу, повернул маховичок до упора. Прильнул к окуляру, наблюдая. Внутренняя поверхность инкубатора медленно меняла цвет. Сегменты внутреннего входа разошлись, семечко, посверкивая, всплыло в рабочую камеру. Повисло, едва заметно смещаясь в поисках идеального центра сферической камеры. Нашло. Замерло. Тогда тончайший луч инициатора пронзил семечко насквозь. Это был миг начала процесса, и в подтверждение этого над дверцей приемной камеры, а также на переборке вспыхнули матовые табло: «Внимание! Идет процесс!» Одновременно послышалось едва уловимое шипение: пары кипящей внизу, в реакторе, композиции строго отмеренными дозами стали поступать в рабочую камеру.

Юниор оторвался от линз. Ну вот. Все в порядке.

Но есть еще одно дело. Ты – хозяин корабля и всего, что на борту. А быть хозяином – значит владеть. Владеть во всех смыслах, и прежде всего – уметь пользоваться... Что, если подумать о Комбинаторе?..

Да, безусловно, в программе этого полета – лишь испытания системы на выносливость, на прочность монтажа. Ты просто должен доставить Комбинатор на выбранную планету, где его будет ждать комиссия и где состоятся испытания по всей форме. Все это так.

Но, с другой стороны, Комбинатор сращен в единое целое с кораблем, и применяться он будет не на Земле.

Так кто же должен управлять Комбинатором при этом? Ты, потому что корабль – это ты, и больше никто.

До этого тебе предстоит пройти долгое обучение, теоретическое и практическое. Однако так ли уж это нужно? Можно подумать, что я на зубок знаю все, что написано об этом корабле. Ничуть не бывало. Не знаю. Тем не менее летаю, и, как говорят, неплохо. Я не теоретик и даже не настоящий ремонтник; я пилот и навигатор, не более того. Так же и с Комбинатором: я не конструктор и не инженер. Я – рука на кнопке, вот и все. И никаких особых знаний тут не надо.

Так что же – постучаться, что ли, в трюм-один? В тот трюм, который не ты загружал на Земле, не ты все там устанавливал и даже не давал ни советов, ни указаний. В трюм, где стоят не какие-нибудь землекопы и водолеи, а машины куда более тонкие. Стоит мне решиться – и я создам здесь с их помощью просто рай земной.

Хотелось мне пальм – в этом раю будут пальмы. Настоящие, в общем. Ими можно будет любоваться со всех сторон. Можно будет подойти и потрогать руками. Даже забраться на пальму, если хватит ловкости. И если, допустим, в воде будут плавать рыбы, то они будут самыми настоящими рыбами. Их можно будет кормить, ловить. Даже жарить – только есть их нельзя, но в этом и нужды не возникнет: харчей на борту предостаточно, хватит на всю оставшуюся жизнь. Есть их нельзя. Не потому, что в химическом составе что-то не соответствует: нет, все, как настоящее. И даже не «как». Просто – настоящее. Есть их нельзя по другой причине... Однако что это тебя законтачило на пальмах да рыбах? При помощи Комбинатора ты можешь создать все на свете. Вернее, все то, на что у Комбинатора есть программа. А программа есть на очень многое. Целый том названий! К возможной встрече с Курьером, кото-

рую мы теперь хотим ему в какой-то степени навязать, мы готовились по-настоящему, чтобы показать, что не только ломать умеем, но и создавать масштабно, дерзко, с выдумкой. Спасибо Георгу. Придуманная и овеществленная им техника, что упрятана в трюме-один, делает нас почти богами. Почти – потому что все сотворенное нами будет не совсем... Не совсем настоящим? Да, наверное, так. И не только потому, что рыб нельзя будет есть. А потому, что стоит мне потом отдать команду – и все исчезнет, перейдет в первоначальное состояние, станет песком, газом, ничтожными примесями микроэлементов... Но до тех пор, пока машины по моему приказу не уберут поле, все будет существовать, все плоды тончайшей, хитроумной комбинации полей, заставляющей частицы располагаться в строго определенном, запрограммированном порядке и – жить, другого слова не подберешь: жить.

Ну, так что же – займемся сотворением мира? Проведем его с опережением сроков: не в неделю, а, скажем, за два-три дня.

Юниор усмехнулся, почесал в затылке.

– Ну-ну, – проговорил он вслух.

Он не раз видал на полигоне, как это происходит. Вот – ничего, пустое пространство, чистая площадка. Гудят последние предупреждающие сигналы. Звучит команда. И вдруг из ничего возникает кусок мира. Не видимость, не голография, не мертвые макеты. Кусок живого мира. И тыходишь в него, трогаешь руками, видишь, слышишь, обоняешь, живешь в этих реальных условиях. И уже во время вторых испытаний ты перестал ощущать искусственность этого мира. Потому что все, что в нем существовало, не выполняло какие-то наперед заданные действия, а просто жило, и ты воспринимал на твоих глазах созданный мир единственно возможным образом: как мир столь же реальный, как и ты сам.

За одним исключением: на полигоне проходило какое-то время, следовала команда – и все исчезало. А ты оставался. И становилось почему-то невыразимо грустно...

Вот в этом-то и дело, – убеждал он себя. – Допустим, ты это сделаешь. Но через три недели, когда созреет Кристалл и ты его установишь, когда корабль окажется готовым к полету, тебе придется все выключить, свернуть, уничтожить. И будет жалко. Потому что успеешь привыкнуть к новому миру, созданному по твоей воле Комбинатором из трюма-один. И оставить этот мир тут нельзя: как только прозвучит твоя команда на выключение образующего поля, весь созданный тобою рай исчезнет, в мгновение ока перестанет существовать – и ты почувствуешь себя убийцей, уничтожившим целый, пусть и маленький, но заверченный мир со всем, что в нем жило, понимаешь: жило! – с деревьями, рыбами и жуками, со всем, что предусмотрено программой. Не слишком ли жестоко?..

Постой, постой, – остановил себя Юниор. – Что значит – жестоко? Это всего лишь продукты техники.

Но живыми-то они будут? Где кончается иллюзия и начинается жизнь?

Знаешь что, – успокаивался Юниор, – не ломай голову. Ты начинаешь психовать. Держи себя в руках. Берегись. Одиночество – это такая вещь, которая хороша в определенных дозах, лечебных. Как яд. Если больше – это отравка.

А пойдём-ка погуляем, – сам себе предложил Юниор. – Напрялим скафандр. Выйдем, полюбуемся – что там наковыряли наши бронтозавры из трюма-три. А то и в самом деле записуешь от безделья.

Он вышел из ремонтного. Трап прогудел под каблуками. Костюм. Шлем. Связь с Умником. На всякий случай, чисто рефлекторно, Юниор ее проверил.

Ну, пошли гулять. Сперва – на смотровую. Здесь, в корабле, я сейчас не нужен. Прекрасное свойство нашей цивилизации: в ней ты порой оказываешься ненужным. И спасибо за то, что даже сегодня еще встречаются положения, в которых без тебя не обойтись. Но это – не положения цивилизации. Это твои собственные положения. А цивилизации до них дела нет.

Автоматам нет дела. Ты сам, в числе многих прочих специалистов, создал такой мир. И, откровенно говоря, он тебя вполне устраивает. Только благодаря такому устройству мира ты находишься сейчас тут, на острие Дальней разведки, а не копаешься в грядках и клумбах, подобно отцу, и не ахаешь над каким-нибудь хилым стебельком. Да что толку в таком стебельке, если, отдав нужную команду, в считанные часы я создам тут мирок с миллионами травинок, с десятками деревьев! А что касается нашей цивилизации, то она, кроме всего прочего, а может быть, и прежде всего – это я сам. И вот я ращу Кристалл на никому не ведомой планете в соседнем пространстве, а не выращиваю цветочки за штaketником. Такова моя сущность. И что еще мне нужно?

Он ступил на смотровую площадку и стал обозревать окружающий мир.

Край бесконечных сумерек, – снова отметил он безрадостно. – И тишины, монументальной тишины. Странно: почему? Ну, жизни нет – это понятно. Но ведь атмосфера есть, должны быть воздушные течения, ветры. Однако тут и воздух – как камень, такой же монолитный и неподвижный. Вообще-то тут даже красиво. И все же насколько лучше стало, когда возникло вот это, пока очень маленькое, зеркальце воды. И фиолетовые комки света отражаются в нем очень забавно...

Озерцо – такое, что его, поднатужившись, можно перепрыгнуть, – и правда уже возникло: механизм номер тринадцать, Водолей, не терял времени зря, работал всюду, как бы радуясь тому, что дорвался до дела. Если выключить его, вода исчезнет буквально за несколько минут, а то и секунд: песок ее всосет, да и сухая атмосфера не прочь насытиться парами. Эх, не догадался вырыть сперва хорошую яму и оплавить дно и стенки, – упрекнул себя Юниор, – было бы уже – море не море, но хоть на яхте выходи...

Ему страшно захотелось вдруг выкупаться, поплавать, и не в стерильном бассейне корабля.

Желание оказалось неожиданно сильным. И, наверное, именно оно сработало вдруг, а не вполне разумные соображения относительно того, что нет никаких причин отказаться от развернутого испытания Комбинатора здесь, в тихой, спокойной обстановке. А на официальное испытание с комиссией и банкетом идти с проверенными данными, убедившись, что Комбинатор хорошо переносит полет и развертывание в нестандартных условиях, а ты умеешь им оперировать. А то сразу показывать авторитетам то, в чем ты сам не больно опытен, – опасно.

Итак, будем действовать твердо, спокойно и последовательно. Как если бы ученая комиссия сидела тут, поглядывая на тебя не без некоторого сомнения.

Прежде всего дадим Умнику команду на постановку защитного поля. Выхватим кусок среды, изолируем от внешнего влияния и начнем наводить в нем свои порядки. Куполообразное поле накроет не только корабль, но и некоторую часть территории. Какой радиус возьмем? Высоту корабля, то есть минимальный, чтобы возникла правильная полусфера. Пятьсот метров, стало быть.

По связи Юниор дал Умнику команду. Прошло несколько секунд, пока гриб усваивал ее и преобразовывал в надлежащие импульсы. Потом – забавно было наблюдать за этим – в полукилометре песок зашевелился, словно какое-то залегающее под ним живое существо оживило, не выбираясь на поверхность. Поползло стремительно, так что за считанные секунды, окружив корабль кольцом километровой диаметра, вернулось к исходной точке и замерло. Только после этого Умник доложил: поле выставлено, стоит надежно, никаких противодействий не встречает. Да и откуда ему браться, противодействию?

Сразу стало уютнее. Словно до сих пор Юниор находился на дворе, а тут вдруг оказался в помещении, пусть обширном, но все же закрытом, изолированном. Как ни странно, он, разведчик, в глубине души не любил открытых пространств, предпочитал стены. Что поделаешь – полного счастья, как говорится, не бывает...

Теперь второй этап. Он снова вызвал Умника. Только через него можно было передавать команды на механизмы. И это не случайно: человек – устройство не всегда надежное, может порой дать и неверную команду; Умник ее заблокировал бы сразу. На сей раз Юниор приказал: восьмому – перейти на нормализацию атмосферы, после достижения нормы – стабилизировать ее, поддерживая должный состав. Двадцать первому: приступить к рытью котлована, затем оплавить его дно и стенки, чтобы предотвратить потери воды. После окончания двадцать первым работы – тринадцатому перейти на заполнение чаши.

Юниор задал размеры и некоторое время постоял, наблюдая за тем, как разворачивались механизмы, выходили на свои позиции. Прежде остальных вступил в работу двадцать первый – грузный, внешне неповоротливый, но на деле не совершающий ни одного лишнего движения, как и всякий исправный механизм; это лишь человек может суетиться. Двадцать первый – ветеран экспедиции: он из комплекса, что работал еще с Сениором на той небритой планете. Старик уже, можно сказать. Ничего, он в полном порядке, еще поработает. А когда вернемся из рейда, создадим специальный музей и поставим машину на постаменте со всеми когтистыми лапами, сокрушающими челюстями, чешуйчатými трубами, по которым скоро пойдет расплавленная масса, чтобы лечь под косыми ножами укладчиков и застыть навсегда; потом заливай хоть воду, хоть азотную кислоту – материал выдержит, не уступит. Монументальное сооружение этот двадцать первый. Чем-то похож на всю цивилизацию: с виду сложное и громоздкое устройство, но сложность эта продуманная, в ней – четкий здравый смысл, и движения, которые порой кажутся стихийными, неконтролируемыми, ужасными, на самом деле рассчитаны до сантиметра. Если говорить о машине, во всяком случае. Ладно, двадцать первый, давай, делай свое дело...

Точно так же Юниор полюбовался и тринадцатым, и восьмым; тот уже всю гнал кислород в атмосферу замкнутого мирка, кислород из песка, а кремний в чистом виде взлетал в воздух петушиным хвостом, но не успевал упасть: траектория была точно рассчитана, поток кристалликов всасывался в один из приемников двадцать первого, в большую четырехугольную воронку, и ветеран пускал сырье на расплав. Тринадцатый изготовился, насосал полные бункеры того же песка, больше здесь ничего и не было, и ожидал, пока возникнет сосуд для воды, которую он был научен делать... Ладно, порядок. Первый этап работы проходит нормально.

Пора начинать главное.

Юниор помедлил немного, откашлялся зачем-то (хотя Умнику это было все равно, он Юниора и так бы понял) и произнес, стараясь, чтобы в голосе не было волнения:

– Трюм номер один разгерметизировать. Комбинатор изготовить к работе.

И все. Вот как немного слов понадобилось, чтобы приступить к сотворению мира. Как это, оказывается, просто!

Теперь Юниор наконец позволил себе спуститься со смотровой. Песок поскрипывал под башмаками. Юниор подошел к тринадцатому, оперся локтем о гусеницу. Хотелось не наблюдать даже, а просто полюбоваться тем, как Комбинатор будет готовиться к своей сложнейшей работе.

А это и на самом деле красиво. Трюмный корпус – средний в корабле, располагается он над моторным, а еще выше, над трюмным, – обитаемый корпус, там живет Юниор, там же обитает гриб Умник, отсюда управляется вся машина. Обитаемый корпус – самый маленький, моторный – шире остальных, зато трюмный – объемистей. Он делится на три яруса трюмов, соответственно сверху вниз: трюм-один, два и три. Кое-что из третьего трюма уже работает: там – тяжелая техника. Второй трюм, самый низкий, занят нужными в обиходе вещами, запасами провианта и еще кое-какими продуктами земной цивилизации – такими, какие могут пригодиться при встрече с кем-то, дружески настроенным (пока еще таких встреч не происходило, но отрицать их возможность после появления Курьера никто не решался), и такими, какие могли понадобиться при встрече с созданиями, настроенными весьма враждебно; таких

встреч, правда, пока тоже не бывало. А трюм-один – это вот та самая хитрейшая система – язык даже не поворачивается назвать ее техникой, – но все же: техника создания настоящего, реального мира – ну, может быть, с какими-то вовсе уж минимальными «почти».

И вот этот трюм-один, верхняя часть цилиндрического трюмного корпуса, вдруг преобразился. Превратился в небывалый цветок. Распахнулись лепестками борта, только смотрели лепестки не вверх, а вниз: цветок, чей венчик клонится к земле. Внутри борта были выкрашены в ярко-красный цвет, чтобы бросалось в глаза: не приведи господь начать маневры с незагерметизированным трюмом-один; очень уж нервные и нежные механизмы живут в нем. Из проема, образовавшегося под каждым лепестком, выдвинулись выпуклые, блестящие антенны излучения, даже в здешнем мрачноватом освещении выглядели они весело. Антенны немного подвигались туда-сюда, словно живые, устанавливая точный угол в горизонтальной и вертикальной плоскостях, чтобы каждая из них действовала в своем точно ограниченном пространстве. Откуда-то изнутри к антеннам шли толстые бронированные провода. Когда антенны излучения успокоились, выдвинулись и раскрылись кружевными зонтиками антенны контроля и обратной связи; отсюда, снизу, Юниор не различал, но и так знал, что каждый такой зонтик состоял из десятков, а может, сотен тысяч крохотных ячеек, каждая из которых имела с центральными устройствами собственную связь. Ну, вот и все, пожалуй.

– Приведение Комбинатора в готовность закончено, – доложил Умник.

– Начать настройку на параметры рабочего объема.

То есть Комбинатору – приноровиться к подкупольному пространству, в котором ему предстоит действовать. Или лучше подпольному, – Юниор любил игру слов, – под полем – значит подпольное, вот как.

– Настройка начата.

Внешне ничто не изменилось: шла тончайшая подстройка микротронных схем там, наверху. Это потребует определенного времени. Даже на Земле, на том же самом полигоне, Комбинатор каждый раз настраивался заново: для него в пространстве что-то менялось, хотя людям казалось, что все по-прежнему.

Конечно, все это сложно и дорого. Куда проще было бы привезти и продемонстрировать Курьеру, если он соизволит явиться, какие-нибудь фильмы – цветные, голографические – они дали бы не худшее представление о том, на что мы способны, когда не разрушаем, а создаем. Мы так и сделали бы – будь Курьер одним из нас. Но ведь только нам, землянам, фильмы дали бы такое же представление, что и реальность. А какой он, этот Курьер, какие они все – как знать? Может быть, они воспринимают мир совершенно не так, как мы. И наши проекции им ничего не дадут. Они просто не увидят ни одного изображения. Не почувствуют. А реально существующий предмет увидят – именно потому, что это не иллюзия, а реальность. Так что сложность эта оправданна и затраты тоже; что в наше время стоит дешево? Разве что сны.

– Настройка на объект закончена.

– Исторический момент, – отметил Юниор. – Тут бы оркестр и торжественную увертюру. Интересно: Господь Бог, когда он приступал к делу, испытывал подобное ощущение? Хотя он, наверное, чувствовал себя куда хуже: не было в его распоряжении такой вот микротронной техники. Надо полагать, не было. – Задумался на секунду и скомандовал: – Начать реализацию программы!

Юниор помнил, что вслед за этой командой что-то должно произойти, нечто такое, по чему он заметит: началось. Так бывало на полигоне, только командовал там Георг. Сейчас, однако, ничего не случилось. Это что за новости?

– Почему не начата реализация программы?

Умник отозвался мгновенно:

– Не было распоряжения ввести программу.

Тоже мне Умник называется! Не мог подсказать! Показалось – или на самом деле ответил гриб не без ехидства? Хотя – чепуха, разумеется: гриб говорить не умеет. Или он передал этот оттенок по параполю? Ладно. Скажи спасибо, что комиссии здесь нет. А то пришлось бы тебе покраснеть.

– Ввести программу!

И опять ничего.

– Подтвердить введение программы!

– Программа не введена. Неясен номер. Программы пронумерованы от ноль ноль один до девять девять девять.

Пришлось задуматься. Комбинатор терпеливо ждал, ему спешить было некуда. Номер программы. Надо подниматься в обитаемый корпус, брать томик программ, искать, выбирать. Потом вводить. Нет, сотворение мира – дело не трудное, но занудливое.

Однако есть и другой выход. Помимо сотен частных программ, имеются общие. Три программы, Юниор отлично помнит. И называются они... называются они вот как: первая степень обитания, вторая и третья. Там разом дается все, что полагается, а частные программы идут в ход лишь тогда, когда возникают специальные требования. Например, создать одно конкретное дерево или одну-единственную конкретную муху – и больше ничего.

Итак, что мы закажем? Станем настаивать на пальмах и мартышках? Нет, – решил пилот, – ну их, это как-нибудь в другой раз. Сейчас мне хочется чего-то такого... домашнего, раз уж я могу выбирать. Не надо пальм. Пусть будут сосны. Березы. Липы. Дубы. Осины. И прочее, соответственно.

– Ввести программу первой степени обитания, подпрограмма «Умеренный пояс»!

Снова пауза. И наконец-то Юниор услышал:

– Программа введена и принята.

Он ждал: вот сейчас...

Снова – ничего.

– Почему не начата реализация программы?

В ответ – после едва уловимой заминки:

– В рабочем объеме помеха.

Интересно! Какая вообще тут может быть помеха?

Он медленно огляделся. И вдруг понял и засмеялся. Помеха – он сам. Ничто живое, если оно хочет выжить, не должно находиться в зоне действия Комбинатора, когда он творит. Потом – сколько угодно. Но не сейчас.

– Помеха устраняется!

Самоустроимся, – подумал он легко. – Мы и тут не нужны. Тут прекрасно обходятся без нас. Мы мешаем. Мы уйдем. И даже не обидимся. Но уйдем недалеко и ненадолго. Хоть это делается и без нас, но – для нас! По моему желанию создается мир, и в данном случае – для одного меня. А что мне при этом не придется потеть – так для чего-то были нужны тысячелетия развития человечества, для чего-то возникали в нем великие умы и не менее великие умельцы! Ум – уметь, и слова-то стоят рядом... Именно для того они и существовали, каждый в свое время и на своем месте, чтобы я тут, сейчас, мог создать новый мир – и при этом пальцем не пошевелил, только отдавал бы команды.

И все же устал я, – признался он неожиданно для себя. Да и что удивительного? Волнений было много, а распорядок остается распорядком, к тому же я всего лишь человек, а людям положено время от времени спать.

Он неторопливо, как-то вдруг отяжелев, подошел к площадке подъемника. Поднялся на самый верх, на смотровую площадку обитаемого корпуса. Перед тем, как раскрылся люк, окинул взглядом место сотворения мира.

В подкупольном пространстве вроде бы посветлело. Значит, часть здешней атмосферы уже выброшена за пределы купола и ее место занял земной, прозрачный, вкусный воздух. Завтра, проснувшись, Юниор спустится без скафандра и станет дышать со вкусом и удовольствием.

А за пределами купола фиолетовая дымка по-прежнему скрывала горизонт. Освещение не изменилось, хотя после посадки прошло немало времени. Видимо, планета и в самом деле вращается вокруг своей оси без особой торопливости. Один оборот в год – не такой уж редкий вариант. Год здесь может продолжаться неизвестно как долго. Ну а нам-то не все ли равно?

А вот в той стороне появилось нечто, чего раньше, кажется, не было. Нет, определенно не было. Юниор заметил бы, иначе какой из него разведчик.

Что-то вроде поднимающейся гряды туч? То ли да, то ли нет. Напоминает тучи, но может оказаться и чем-то совсем другим. Двигается оно? Незаметно. Может быть, это какая-то округлая, куполообразная вершина, возвышение, и раньше просто нельзя было его разглядеть, а сейчас видимость в том направлении улучшилась. Может быть. Не исключено даже, что это не возвышение, а напротив – впадина. Никуда не годная атмосфера на этой планете, прямо суп с клецками.

Так или иначе, это нас не пугает. И не помешает воспользоваться заслуженным отдыхом.

Защитное поле стоит? Стоит, родимое. Значит, по всем законам, команде разрешен отдых. Что-то очень уж спать захотелось. А свои желания надо удовлетворять – когда это не идет во вред делу.

Он шагнул в тамбур. Снова, не в первый раз уже за сегодняшний день, повторилась скучная процедура. Два шага. Пластины внешнего люка смыкаются за спиной. Усиливающийся свист: стерилизация. Тут она вроде бы ни к чему, но так положено. Снова свист: воздух. Табло: разрешено раздеться. Благодарствуйте... Внутренний люк. Вот мы и дома. В тепле и уюте. Красота! Поужинать, что ли? Неохота. Но положено. Значит, будем ужинать.

Поужинал без удовольствия. Лег спать, дав предварительную команду, чтобы разбудили своевременно. Хотя знал, что и так проснется минута в минуту, как сам себе закажет. Но никогда не следует пренебрегать подстраховкой.

Приснилось бы что-нибудь такое, – загадал он желание, засыпая. – Спокойное. Развлекательное.

Впрочем, он заранее знал, что спать будет без сновидений. Или, вернее, проснувшись, ничего не вспомнит. Хорошая нервная система. И к чему сны? Хватает с нас и реальной жизни. Вот проснемся завтра, а овеществление программы к тому времени уже закончится – и то, что мы увидим, будет похлеще всяких снов...

Случилось, однако, такое, чего раньше не бывало, да и быть не должно: он проснулся среди ночи. Среди того, что было для него ночью: временем, когда следует спать, когда свет в его каюте погашен, а снаружи через броню не пробьется ни один лучик.

И проснулся именно из-за сна, который привиделся ему вопреки традиции. Вскочил в поту, сердце сумасшедше колотилось. Хватил рукой в сторону, наткнулся на переборку, ничего другого там и быть не могло. Ушиб руку. И разозлился окончательно. Не зажигая света, нашарил курево. Курил он редко, давно уже отвык. Но порой позволял себе этакий мелкий разврат. Закурил. Посидел, втягивая и выдыхая дым, стараясь поскорее успокоиться. И понять, какой смысл был в том, что ему приснилось. Если вообще есть в снах какой-то смысл. Может, и нет. А тогда зачем видеть такое – хотя бы и во сне? Темное существо – человек...

Приснилась ему Леда. Стояла, тесно прижавшись к нему, и он целовал ее. Потом она вырвалась и побежала, то и дело оглядываясь. Кинулся за ней, кричал и звал, но догнать не мог. Лишь далеко впереди Леда остановилась, подняв руки над головой. Пока он подбегал, она изменялась, становилась другой. Подбежав, увидел, что не Леда это, а дерево. Оно все росло.

«Папа!» – закричал Юниор. Отец подошел. «Это Леда, – сказал ему Юниор, – отдай!» – «Это не Леда», – ответил отец спокойно. «Да ты смотри!» – крикнул Юниор. Он обнял ствол, но Леда вырвалась и снова побежала. «Возьми», – сказал отец, протягивая садовую лейку. Но Юниор оттолкнул лейку, кинулся за убегающей, хотел схватить – и, уже просыпаясь, ударился рукой о переборку каюты, где была ночь и где ему полагалось спокойно спать.

Такая вот несурезица привиделась. Юниор сидел в темноте, курил и качал головой. Ладно, об отце он сегодня думал, да и о Леде, наверное, тоже: вряд ли проходил день без того, чтобы Юниор о ней не подумал. Но лейка, дерево... Ерунда какая-то, наплевать и забыть.

Чтобы забыть, надо было на чем-то сосредоточиться, на первом же, что придет в голову. Сыграть в слова хотя бы. Вот хорошее слово: комбинатор. Что мы можем из него сделать?..

Вместе с этим словом на память пришел Георг, и Юниор задумался о конструкторе.

Он знал его мало, но похоже было, что никто не знал Георга хорошо – не по работе, разумеется, но как человека просто. Да это вряд ли кого интересовало. Был он не очень общителен, в людных местах его жену встречали куда чаще, чем его самого, и ее всегда кто-нибудь сопровождал. Говорили, что у Георга одна страсть в жизни: работа. Он и в самом деле был великим конструктором в микротронике, идеи его всегда бывали небанальны и масштабны. Но когда Юниор единственный раз увидел его с женой, то понял, что страстей у Георга было самое малое две: второй была Зоя, это сразу бросалось в глаза. Только что снова расставшись с Ледой, Юниор пристрастно всматривался в каждую пару – счастливую или несчастливую. Какой была эта, он не смог определить. Зоя, казалось, принимала любовь мужа, – какую-то безоглядную и надрывную, после какой уже не бывает ничего, – принимала как должное и не очень ею дорожила: кокетничала, болтала с другими, танцевала, даже уединялась – и лишь однажды Юниор перехватил брошенный ею на Георга взгляд и понял, что все куда сложнее и что оба этих человека находятся в состоянии какой-то глубокой внутренней, хорошо скрываемой тревоги – такой тревоги, отдавшись которой человек легко теряет контроль над собой. Зоя почувствовала взгляд Юниора, обернулась, встретилась с ним глазами, засмеялась, подошла и потащила его танцевать – было это на банкете по случаю завершения институтом работы. Во время танца Зоя как бы шутя, но на деле серьезно сказала: «Георг в последнее время много говорит о вас. Вы ему понравились». – «Мы недавно знакомы», – ответил он, несколько смеявшись. «Вот и попросите его как новый друг хоть иногда слушаться жены». – «Не верю, чтобы он вам противоречил». – «Ни в чем, кроме работы. Он переутомлен. Он... это может плохо кончиться. Иногда мне кажется, что он теряет главное: уверенность в себе. Без нее он погибнет. Я отвлекаю его, как могу. Но в этом он со мною не считается... Скажете?» – «Если представится случай. Но ведь он вот-вот закончит – если уже не закончил?» – «Дай бог...» – вздохнула она.

Юниор, пожалуй, и сказал бы об этом Георгу, если бы не слышал его речи на том же банкете. То был, по сути дела, тост. «То, что мы делаем, – сказал тогда Георг, – во всех отношениях выше и значительнее нас, оно относится совершенно к иной категории – потому что если мы плод слепой эволюции, то наши создания – продукт целеустремленного разума, иными словами, они уже по своему происхождению выше, ибо ведут родословную от идей, а мы – от протоплазмы. Вы считаете, может быть, что созданное природой прекраснее сделанного нами? Утверждаю: нет, мы делаем не хуже, а порой и лучше естества. Уже сегодня делаем. А это значит, что мы можем и должны приносить в жертву своему делу самих себя и все, что нам принадлежит, но не имеем права в жертву себе и тому, что нам принадлежит, приносить дело!» Все зашумели, большинство заплотировало, кто-то попытался затеять дискуссию, но все хотели веселиться, колоссальное напряжение наконец отпустило людей, и не до высоких материй было...

Да, тогда Юниор усомнился в том, что Георга нужно и можно отрывать от работы – хотя бы ради его же блага. Окончательно разведчика убедил в этом разговор, состоявшийся в

трюме-один его корабля, представляющем собою круглое в плане шестиэтажное сооружение. Трюм был почти пуст, техники и роботы заканчивали демонтаж прежнего оборудования, которому так и не пришлось поработать, потому что от колонизации планеты Зиндик отказались и потому, что на свет родился Комбинатор Георга. Прежняя программа называлась «Анакол». Смысл ее заключался в том, что для перевозки тысячи людей ради освоения планеты нужно было бы множество рейсов – это не окупалось. Но корабль мог взять на борт лишь ограниченное число пассажиров, очень небольшое. Лететь предстояло месяцы, и пассажиры не могли коротать время в полной неподвижности: им была нужна нормальная площадь для жизни, театр, спортивный зал, бассейн, места для прогулок, и если бы все это соорудить в трюме-один, корабль взял бы на борт лишь несколько десятков человек. Конструктор «Анакола» предлагал везти людей как бы в анабиозе – на деле то был не анабиоз, а нечто вроде регулируемой летаргии, в которой, как показали испытания, человек мог провести до полугода без всякого ущерба для себя, не двигаясь, минимально потребляя и занимая мало места. Проект был принят, заканчивалось оборудование трюма множеством тесных, на одного, кабинок с подведенными коммуникациями и датчиками.

И тут появился Комбинатор. Преимущества нового проекта были очевидны: к чему везти людей, в какой-то мере рискуя ими, если не в полете, то потом, на планете, когда можно было доставить в нужную точку лишь несколько устройств, пусть очень сложных – и они создали бы там все, включая рабочую силу, – все, пригодное и потребное для осуществления первого, тяжелейшего цикла колонизации. После чего настоящие люди могли бы уже приезжать туда, как в соседний город, не обязательно тысячами сразу, а хоть единицами.

И вот Юниор, Георг и конструктор «Анакола» стояли в трюме. Георг был здесь впервые, он внимательно осматривал помещение. «Это мне подойдет, – повторял он, – прекрасно, прекрасно». Творец «Анакола» подавленно молчал. Георг положил ему руку на плечо. «Мысль ваша была остроумной, – сказал он, – но она несколько опоздала. Наше время требует оперировать послезавтрашними категориями». – «Больше я в эти игры не играю, – ответил конструктор. – Хватит с меня разочарований!». Георг хотел что-то ответить, но его отвлек один из оставшейся у люка свиты; насколько можно было уловить, речь шла о том, что некоторое задание не было выполнено или не будет выполнено в срок. «Скажите ему сейчас же, – ответил Георг, не повышая голоса, – что именно он давал обещание и именно я ему поверил. Лишнего времени у нас нет. Две тысячи проектировщиков, тысяча программистов и весь компьютерный парк не могут ждать, пока он закончит. Передайте от меня: если схемы не будут готовы минута в минуту, я вышвырну его с таким грохотом, что в обитаемой вселенной и самый наивный человек не наймет его даже подстригать газоны». После этого Георг снова повернулся к конструктору «Анакола». «Я вас не понимаю. Вы же ставили перед собой цель. Человек, наметивший цель и неспособный достичь ее, недостоин жить. Цели существуют, чтобы их достигать». – «Но в цели можно и разочароваться». – «Человек может разочароваться, поняв, что цель мала; тогда он заменит ее другой, большей, стоящей за первой. Вот я: сначала хотел добиться возможности быстрого создания поселений в колониях. Дальше – больше. Уверен, что и вы найдете. Кстати, пару ваших кабин вы можете оставить, они мне чем-то понравились». Конструктор кивнул: «Берите хоть все. Теперь это – лом. Но послушайте, Георг, человек ведь может разочароваться и по другим причинам. Хотя бы морального характера». – «У меня одна этика, – сказал Георг. – Хорошо все, что хорошо для человечества». – «А если это плохо для человека? Пусть даже одного?» – «Человечество выше каждого человека. Вот вы думали об удобстве человека, а я – о человечестве в целом; результат однозначен». – «Но если сам человек не согласен с этим?» – «Его надо смести. Каждого, кто мешает». – «Каждого?» – прищурился «Анакол». После паузы Георг ответил: «Каждого. Как бы трудно это ни было. Надо уметь перешагивать через себя!» Юниор молчал и слушал. И только сейчас ему пришло в голову: жена Георга могла решить, что он струсил, не осмелился сказать то, о чем она просила.

– Ну и черт с ней! – сказал Юниор сердито и стукнул кулаком по тумбочке так, что все на ней подпрыгнуло.

Вот этого делать не следовало. Потому что это было аномальным поведением. А он был на корабле один. И поэтому все время находился под строжайшим надзором. В том числе медицинским. Гриб Умник, если бы его когда-нибудь списали с корабля, мог найти место в любой, даже высокого класса, клинике и работать там мастером на все руки, начиная с диагностики и кончая выхаживанием. И тут гриб, конечно, своего не упустил. Объявил громко:

– Тестируется нервная система. Вопрос...

– Не надо. Дай что-нибудь, чтобы уснуть покрепче.

Умник колебался. Но согласился, исходя, надо полагать, из того, что сон у людей – лучшее из лекарств.

– Включаю гипнорад...

– Во сне, как известно, – уютно укладываясь, философствовал он, – время течет в обратном направлении. Что же это значит? Если все спать и спать, то мы с Ледой...

Он не выдержал. Крикнул громко:

– Дай посылнее! Что же ты?!

И тут как раз гипнорад подействовал. И уснул. Не ожидая ничего плохого от того, что во сне время течет в обратном направлении. А следовательно, не исключено, что какая-то часть того, что тебе привиделось, на самом деле тебе еще только предстоит.

Проснувшись, Юниор пришел в себя не сразу. После ненормальной ночи остался в голове какой-то легкий туман, позволяющий видеть предметы, но искажающий их очертания. Что-то снилось, кажется... Он вспомнил и усмехнулся. Хорошо еще, что не приснился Кристалл, танцующий в обнимку с Умником. Ладно, это все не важно. Предстоит хороший день. За бортом, наверное, уже расцвел сад. В инкубаторе зреет Кристалл. Днем меньше осталось до старта.

Он привел себя в порядок, действуя не медленно и не быстро, а так, как привык, в нормальном темпе. Надо бы позавтракать. Но нетерпение грызло. Отсюда, изнутри, увидеть то, что находилось сейчас – должно было находиться – в огороженном пространстве вокруг корабля, можно было только при помощи видеоз экранов. Способ вполне пригодный; однако хотелось иного: самому, своими глазами взглянуть, поверить, убедиться. При всей научной и технической обоснованности то, что он ожидал увидеть, должно было походить на чудо. А чудо нельзя разглядывать в объектив; только лицом к лицу.

Юниор поинтересовался, что там за бортом, какая погода. Умник ответил незамедлительно и без тени удивления: чистый воздух, тепло, легкий ветер... Это почему-то особенно умилило разведчика: ветер, а? Легкий ветер, ничего себе! Но, человек осторожный и опытный, он повторил вопрос в более конкретной форме: разрешается ли выход без скафандра и дыхательного аппарата? Разрешение было дано немедленно, без малейшей заминки.

Тогда он направился к люку. И усмехнулся, заметив, что не было на этот раз обычной откачки воздуха из тамбура, как не бывало ее во время стоянок на Земле: окружающая среда была вполне нормальной, пригодной для обитания человека... Внешние пластины люка тронулись, раздвигаясь, и в узкую щель ворвался запах, земной весенний запах, и порыв ветерка шевельнул волосы. Юниор переминался с ноги на ногу, с трудом удерживаясь от желания помочь медлительным пластинам, нажать плечом, подтолкнуть. И – кинулся вперед.

Он остановился на смотровой. И смотрел. Сколько-то времени просто смотрел. Не думая, ни в чем не отдавая себе отчета. Смотрел, и все. Никогда не поверил бы раньше, если бы ему сказали, что такую сладкую боль можно ощущать от одного только взгляда на самые, казалось бы, простые вещи.

Да, – он растроганно впитывал окружающее, – вот оно то, что нужно человеку. Как немного, оказывается... Покой снисходительных сосен. Легкое шевеление длинных березовых

кос. Мерцание листвы на серых осинах. Густая трава с частыми крапинами цветов, простых полевых цветов. Вот что нужно, остальное – муть и выдумка. И наплевать, что они не выросли сами, что все создано по матрицам на атомном уровне, за несколько часов воплощено хитроумнейшей, придуманной и выполненной человеком техникой; не важно, что они уже – продукт второй степени или, как говорил об этом Георг – продукт продукта; все равно. Это метафизика. Но вот же – стоят они, и покачиваются, и бросают тень; пусть светило тоже искусственное, но тень-то настоящая, и тепло – тоже, и тонкий шелест, и посвист ветерка, это уж никак не искусственное.

И почему только, когда видишь такое же дома, на Земле, то проходишь мимо, не обращая особого внимания, принимая, как должное? Чистая психология, ответил он сам себе. Даже возвращаясь из рейда, когда давным-давно не видал ничего подобного и заранее радуешься мысли о встрече со всем этим, возвращение и встреча происходят не сразу: растет на экранах Солнце, возникает и увеличивается капелька Земли, минуешь внешние пояса, Луну, внутренние пояса, Большой Космостарт, где чаще всего и останавливаешься; там многое от Земли, а оттуда уже не один, а в окружении людей, которые тоже входят в понятие «Земля», отправляешься наконец на планету – так постепенно привыкаешь к тому, что открывается тебе на каждом следующем этапе. Так много души отдаешь встретившим тебя людям, что на прочее остается мало; и это прочее – и березки в том числе, – оно ведь должно на Земле быть, ты заранее знаешь, что оно есть, было и никуда не могло исчезнуть, и ты обязательно все это увидишь; а должное всегда принимаешь не так, как подарок, купленное – иначе, чем найденное. А тут – подарок мне, находка, никак не то, чему следует быть на этой планете, где неподвижны и воздух, и, наверное, само время... Спасибо, Георг, ты меня порадовал. Да и сам контраст, конечно, тоже действует – контраст с тем, что осталось по ту сторону купола: с фиолетовым полумраком, темным песком, мрачным однообразием, от которого недолго и в петлю... Все это можно в любой миг увидеть, стоит только всмотреться, чтобы не мешал наш яркий свет. Но не хочется смотреть туда, и не надо, так много здесь, внутри, такого, что радует глаз. Где вы там, все Курьеры на свете, куда скрылись, почему не видите? Смотрите: вот как мы, люди, представители великой цивилизации, умеем в мгновение ока преобразовывать мертвые планеты, оживлять их, делать зелеными, цветущими, радостными. Пусть пока лишь малая часть преобразована – мы ведь только начали, это первый опыт, первая, еще не завершенная конструкция – то ли еще будет! Нет, Курьер, мне не стыдно было бы встретиться с тобой хоть сию же секунду!

Вот что, не стану завтракать в своих корабельных апартаментах. Позавтракаю здесь. Под деревом, в тени, на ветерке... И каждый день из предстоящих трех недель буду завтракать тут. А может быть, и обедать, и ужинать. Захочу – и ночевать буду под деревом, оборудовать времянку мне ничего не стоит, да у Георга она наверняка запрограммирована, какое-нибудь простенькое бунгало. Раз уж выпал мне такой не предусмотренный никакими планами отпуск, то я и проведу его, как полагается: на лоне природы, на пляже...

Тут он вспомнил и повернул голову, но округлость борта мешала видеть, и Юниор сделал несколько шагов по площадке. И зажмурился: так ударил в глаза свет, отраженный от зеркала большого пруда, успевшего сформироваться за ночь – тринадцатый, стоя на противоположном берегу, еще подливал воды: то ли не была достигнута нужная отметка, то ли какая-то часть все же фильтровалась сквозь оплавленный слой. Нет, вряд ли: машины свое дело знают... Вот и вода. Даже прудом не назовешь: маленькое озеро. И не такое уж маленькое, бывают куда меньше. Три недели отпуска в такой обстановке – это небывалое везение. В полном смысле – сочетание приятного с полезным.

Юниор повернулся, вошел в люк. И тут же приказал Умнику люка не затворять, пока не возникнет очевидной необходимости. Не хотелось каждый раз топтаться, пока нерасторопные механизмы делали свое дело. Пусть и в обитаемом корпусе погуляет ветерок. Единственное,

что там следует предохранять от всяких посторонних воздействий – это инкубатор с растущим в нем Кристаллом. Но в тот отсек не только ветерок – туда и тропический ураган не пробьется.

Юниор отправил вниз легкий столик из своей каюты, два стула; хватило бы и одного, но ему захотелось, чтобы было два. Что он, не мог себе позволить? Быстро приготовил завтрак, спустился вниз. Невольно задержался перед тем, как ступить на траву: кто знает, как она поведет себя, эта сверхнаучная, сверхтехническая, синтезированная по атому, поддерживаемая мощнейшими, хотя и неощутимыми полями трава, пусть и самая обыкновенная на вид? Трава повела себя, как трава: покорно легла под ногой человека. Второй шаг сделал смело. Надежная трава. Добротная. Ничем не хуже той, что на Земле. Может, даже лучше: густая, ровная, точь-в-точь как та, которую надо, однажды посеяв, потом триста лет подкармливать и подстригать...

Он быстро расставил мебель, водрузил все, что принес, на стол. Сел, откинулся на спинку стула, вздохнул, зажмурился, подставляя лицо ветерку. А люди еще зачем-то спорят, что такое счастье!

Юниор ел и пил медленно, с наслаждением, какого давно не испытывал. Завтрак вдруг перестал быть неизменным элементом распорядка, он стал событием, целым праздником. Это, наверное, и значит – брать от жизни все, что она способна дать? Она дает, да мы не берем: пока делаем одно, живем уже в другом, нацеливаясь на третье; это глупо, жить надо в текущем моменте, а не в последующем. Только и всего. Но как хорошо становится сразу!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.